

Главная линия. Глава 44. Золотые колокольчики.

Лазурия замерла, затем прочла еще раз. Надпись была сделана очень аккуратным почерком, в отличие от Либруса в соседней комнате. Скорее всего, ее написал кто-то другой.

И из смысла самой надписи можно было понять, что это слова горечи, высказанные страдающей женщиной. Странно, откуда эти слова могли оказаться здесь, на стене «Пещеры Кровавых Брызг»?

Лазурия поломала голову над этим, но ответа не нашлось. Она трянула головой и сдалась. Когда она развернулась, то увидела, что Дан Сайон тоже пришел сюда. И теперь он тихо стоял позади нее. Его лицо было очень странным. Это было выражение то ли горечи, то ли удивления, то ли задумчивости. Он хмурился немного напряженно, словно о чем-то размышлял.

Лазурия вскрикнула от удивления и отшатнулась от него. Колокольчики мягко зазвенели у нее на поясе, издав мягкий чистый звон, раздавшийся эхом по пещере.

Дан Сайон услышал этот звон. Он вздрогнул, словно неожиданно проснулся. Но потом он расширил глаза, с удивлением глядя по сторонам.

Он все вглядывался в Либрус внутри каменной комнаты, когда черная палка засияла зеленым, словно пробудилась ото сна. Прохлада распространилась по его телу, после чего он как в тумане вышел из комнаты и вернулся в пещеру, пока, наконец, не увидел сломанный скелет.

Дан Сайон посмотрел на палку, привязанную к его левой руке. Она до сих пор светилась зеленым, и сейчас она словно извинялась перед скелетом, как перед старым другом.

Дан Сайон не знал, почему это пришло ему в голову, но глядя на этот скелет, он вдруг почувствовал грусть. И хотя он точно знал, что этот человек, умерший здесь, скорее всего был главным предводителем Кровавого клана Малеуса, а именно – Черносердом, как сказала Лазурия, он почувствовал жалость к этому скелету.

Свет черной палки потускнел, она снова стала обыкновенной уродливой палкой. Дан Сайон все еще смотрел на скелет. Затем, на глазах у изумленной Лазурии, он медленно направился к нему.

Она фыркнула, затем встала рядом с ним и холодно улыбнулась: «Мне никогда не нравился этот персонаж, как и другие кланы, кроме моего собственного. Но мы все – подданные Священной фракции Малеуса. Мы все поклялись перед образами Матери Преисподней и Небесного Видьяраджи. И если ты хочешь сделать что-то с этим мертвецом, я тебе не позволю!»

Дан Сайон посмотрел на нее и сказал: «Он рассыпался на части, и это сделала ты!»

Лазурия покраснела, но она не собиралась брать свои слова назад. Она решительно ответила: «Я раскаялась в содеянном перед Матерью и Видьяраджей! И я не позволю тебе повредить его».

Дан Сайон посмотрел на нее и спокойно сказал: «Да я и не собирался».

Лазурия замерла, увидев, что Дан Сайон был спокоен, в его глазах не было ненависти. Она почувствовала, что этот мальчишка из Айне отличается от остальных служителей Добра,

которые были полны предубеждений и чувства собственного достоинства. В тот момент Дан Сайон прошел мимо нее. Она развернулась и посмотрела на него.

Дан Сайон подошел к скелету. Кости озарились зеленым светом. Благодаря Лазурии, кости рассыпались на кусочки, целым остался только череп. Он лежал сверху на костях. Пустые глазницы смотрели на Дан Сайона.

Дан Сайон вздрогнул. Он чувствовал, что дух Черносерда все еще здесь, и он смотрит на него. Но он спокойно собрал кости в одну кучу. От костей исходила прохлада, он не чувствовал страха.

Словно он встретился со старым другом!

Дан Сайон вздохнул, словно сделал то, что должен был, и расслабился. Было странно, но он на самом деле так себя чувствовал. Он подумал: эта черная палка тоже вела себя странно. Если я выживу, нужно будет спросить Мастера об этом.

Он закончил заботиться о костях, и когда он уже собирался подняться, то заметил, что на месте, где сидел скелет, были надписи. Он изумленно вздохнул.

Лазурия холодно наблюдала за тем, что делал Дан Сайон. Вдруг она услышала, что он что-то обнаружил. Ей стало любопытно и она подошла ближе. Здесь тоже были начертаны несколько надписей:

Ее сердце страдает, но пути назад нет.

Слишком поздно жалеть, мы не можем быть вместе.

Золотые колокольчики, непонимания звон,

Моя жизнь навсегда...

В четвертой строке надписи были уже нечеткими, и последнее слово – навсегда – было уже практически нечитаемо. В конце строки была просто линия, словно тот, кто писал, не мог больше продолжать.

В пещере стало тихо. Дан Сайон и Лазурия почувствовали, что в этих двух надписях заключена какая-то грустная история. Страдания женщины с разбитым сердцем и сожаления умирающего мужчины.

Дан Сайон затерялся в мыслях. И хотя он не был знаком с двумя влюбленными, он почувствовал грусть в сердце, глядя на надписи, сделанные тысячу лет назад.

Рядом с ним Лазурия нахмурилась. Ее глаза замерли на этих строках, она пробормотала: «Золотые колокольчики, непонимания звон... колокольчики... золотые колокольчики? Ах! Точно! Цзин Лин!»

Она вспомнила о чем то и хлопнула в ладоши. Дан Сайон удивился и спросил: «Что это за золотые колокольчики?»

Лазурия была взволнована и чем-то обрадована. Она сказала: «Это же Леди Цзин Лин! Ты что, не знаешь?»

Дан Сайон сконфуженно покачал головой. Лазурия фыркнула, глядя на него, затем довольным

голосом рассказала: «Леди Цзин Лин была очень важной личностью в нашем Священном клане тысячу лет назад. Она была очень умна, ее уровень был очень высок, и она прочла все тома священного Либруса. Она основала клан Хаккан, отдельно от нашего Священного клана. И она была главной женщиной в клане Малеуса!»

Дан Сайон потерял интерес к рассказу. Согласно ему, получалось, что Леди Цзин Лин тоже была причастна к клану Малеуса, хоть и тысячу лет назад. Когда он услышал название секты Хаккан, то сразу понял, что та древняя женщина точно не была хорошим человеком. Но Лазурия, кажется, восхищалась ею.

Дан Сайон фыркнул, и ничего не ответил ей. Затем он отвернулся и снова начал собирать скелет, который они разрушили, чтобы прочитать надпись. В его голове появилась странная мысль: Да ты, оказывается, тоже несчастен, раз погиб из-за женщины!

Конечно, мертвец не ответил ему. Это были просто мысли Дан Сайона. Но он проникся к скелету необъяснимой жалостью.

Лазурия радостно рассуждала вслух: «Не могу поверить, что Леди Цзин Лин была влюблена в старика Черносерда. Хмм, может быть, он предал ее? Бессердечный старикан! Прекрасно, что он помер! Жаль только, что его скелет не сожгло молнией».

«Чушь!» Вдруг вскрикнул Дан Сайон.

Лазурия замерла от неожиданности. Через секунду она с интересом спросила: «Что ты сказал?»

Дан Сайон понял, что сказал лишнего. Он был из клана Света, но вдруг начал защищать маньяка убийцу из клана Малеуса, умершего восемьсот лет назад. Если бы Мастера Айне это услышали, он был бы жестоко наказан. Но сейчас он не знал, почему такие слова вылетели из его рта. Когда Лазурия спросила его, он не смог придумать ответ.

Лазурия странно посмотрела на него, затем вдруг подумала о чем-то другом и забыла о Дан Сайоне. Она взяла колокольчики, привязанные к ее поясу и громко сказала: «Боже! Да ведь это же «Колокольчики Хаккан», принадлежавшие Леди Цзин Лин!» Она быстро перевернула колокольчики и заглянула внутрь. На них были написаны несколько слов:

Колокольчики Хаккан!

Дан Сайон увидел, что Лазурия так радуется, что сейчас умрет от визга и смеха. Оказывается, она случайно заполучила мощный эспер! Он почувствовал себя некомфортно и холодно сказал: «Ты ведь так и не нашла выход?»

Но Лазурия думала только о колокольчиках и не задумываясь ответила: «Нет».

Дан Сайон отвернулся от нее и тихо сказал: «Тогда ты погибнешь в этой пещере, вместе с этими колокольчиками».

Лазурия замерла, затем вспомнила, что самое главное было найти выход. Она быстро спросила: «Ты нашел его?»

Дан Сайон тихо покачал головой. Они посмотрели друг на друга. Лазурия перестала улыбаться и задумчиво произнесла: «Тогда нам нужно поскорее отыскать его!»

Дан Сайон спокойно кивнул. Они были на краю смерти. Вместе, они обошли все туннели и пещеры, изучив каждую стену, каждую трещину. Игнорируя протесты Лазурии, Дан Сайон осмотрел даже две статуи Небесного Видьяраджи и Матери Преисподней. Но они все равно ничего не нашли.

Когда они вновь вернулись в пещеру со скелетом, и увидели расстроенные взгляды друг друга, их лица потемнели.

Лазурия грустно пробормотала: «Мы что, правда собираемся умереть здесь?»

Дан Сайон опустил голову, она не могла видеть его лицо. Лазурия тоже молчала. Неожиданно на две молодые жизни упала тень смерти.

Через некоторое время, в тишине, Дан Сайон вдруг подпрыгнул и пошел прочь. Лазурия с удивлением спросила: «Что ты делаешь?»

Дан Сайон сжал зубы и ответил: «Я собираюсь поискать еще раз. Здесь должен быть выход! Мы не умрем здесь».

В его сердце позвучало еще одно предложение, которое он не мог озвучить: Я должен увидеть сестру Лин Эр, хоть раз перед смертью! Я должен вернуться на Пик Большого Бамбука!

Лазурия ничего не ответила, она просто осталась сидеть на платформе, глядя на то, как Дан Сайон продолжает искать с ярким блеском надежды на выживание в глазах.

Один раз.

Два раза.

Три раза.

Четыре раза.

Лазурия уже не могла вспомнить, сколько раз Дан Сайон переходил из комнаты в комнату, из пещеры в пещеру. И каждый раз он возвращался ни с чем. Но все еще не сдавался. Может быть, все дело было в его упрямой натуре, или в его горячем желании жить, но он продолжал поиски пути наружу, все продолжал и продолжал...

Пока его ноги не начали трястись, пока силы не оставили его, пока он не пришел обратно к платформе, где сидела Лазурия, и не упал без сил прямо на землю.

Лазурия посмотрела на него. Секунду она колебалась, затем подошла ближе и перевернула его лицом вверх. Кажется, ничего серьезного, он просто очень устал, плюс ко всему он был голоден, поэтому упал в обморок. Она облегченно вздохнула.

Затем она задумалась, и спросила сама себя в глубине души – Почему я почувствовала облегчение? Он в порядке, но причем здесь я?

Эта мысль молнией пронеслась через ее сознание.

Она внимательно посмотрела на него. На этом молодом лице залегла тень, от ран и голода. Его губы потрескались от сухости.

Лазурия осторожно положила его на землю. Секунду она смотрела на него, затем сказала:

«Если уж мы умрем здесь вместе, я не хочу слишком быстро остаться в одиночестве. Лучше уж кто-нибудь будет рядом со мной».

Она вышла из пещеры и скоро вернулась с водой из пруда. Затем она достала еду и попыталась разбудить Дан Сайона.

Из-за того, что он был без сознания, она не смогла его покормить. Но ей удалось влить ему в рот немного воды из фляги. Он все еще не просыпался.

Лазурия тоже очень устала, она весь день была на ногах. Кажется, Дан Сайон был в порядке. Она закрыла глаза и провалилась в сон.

Когда она проснулась ото сна, первой ее реакцией был взгляд на Дан Сайона. Он спокойно лежал там, не двигаясь. Он тоже спал. Лазурия снова вздохнула, и тихонько выругалась: «Спит как убитая собака!»

Она улыбнулась сама себе. Казалось, что когда она смотрела на этого паренька, ее настроение улучшалось, и она даже забывала о смерти в ближайшем будущем.

Она вдруг поняла, что хотя Дан Сайон и спал, его лицо было красным. Так быть не должно. Она быстро поднесла руку и потрогала его лоб. У него был жар. Лазурия застыла, она не ожидала, что сейчас у него поднимется температура.

Обычно ученики кланов Света и Тьмы обладали прекрасным здоровьем, и не болели сотни лет. Но Дан Сайон был тяжело ранен, он был физически и морально истощен, его тело было серьезно повреждено. В итоге, не принимая во внимание свое состояние, он истратил оставшиеся силы на поиски выхода из Пещеры Кровавых Брызг. Ничего удивительного в том, что в итоге у него поднялась температура.

Жар был серьезным, и через довольно долгое время все еще не спал (в пещере Лазурия не ощущала, сколько прошло часов). Она не могла ничего сделать, только носила ему воду, чтобы как-то понизить температуру, но и это не помогало.

Чуть позже, хотя жар все еще не спал, Дан Сайон начал бредить. Лазурия была очень обеспокоена и взволнована этим. Когда она думала, что ей придется ждать смерти в этой пещере в одиночку, она начинала дрожать. И хотя Дан Сайон начал что-то говорить, это был несвязный бред, словно он вспоминал какие-то прошлые ужасы своей жизни.

И как бы Лазурия ни старалась, она ничего не могла сделать, только принести еще воды. В пещере не было ни лекарства, ни лечебных трав, как она могла помочь? Болезнь Дан Сайона становилась хуже день за днем. Бред становился все более несвязным.

В тот день Лазурия беспокойно сидела рядом с Дан Сайоном, когда он вдруг развернулся к ней, изогнулся всем телом и закричал: «Демон! Демон! Демон...» Затем вдруг гневно сказал: «Ты убил моих родителей, убил всю деревню! Я... я собираюсь отомстить... я убью тебя!»

Лазурия была озадачена и поражена, она быстро приблизилась к нему, и сказала: «Нет, нет! Здесь нет никаких демонов!»

Кажется, эти слова подействовали. Дан Сайон успокоился, страх исчез с его лица, но затем он сменился грустью.

Его глаза были закрыты, он тихо сказал: «Сестра, сестра, не уходи... Я... я должен сказать... не

уходи от меня...»

Лазурия замерла, грусть пронзила ее сердце. Но тут она стала смелее, и нежно ответила: «Никогда! Твоя сестра с тобой, она не оставит тебя».

Улыбка появилась на лице Дан Сайона, словно это был самый счастливый момент в его жизни. Его губы продолжали бормотать: «Сестра, сестра...»

Лазурия увидела, что его лицо успокоилось, но ее сердце пронзило болью.

Та девушка, о которой он так беспокоился, даже когда был без сознания, какая она?

Она вспомнила тот день в Пучине Покинутых Душ, Дан Сайон пытался защитить девушку с голубым мечом, может быть, это она?

Лазурия нахмурилась. Она помнила, что та девушка была необыкновенно красива. Сказать, что она была самой красивой в мире, значит, ничего не сказать. Ничего удивительного, что Дан Сайон влюбился в нее! Откуда Лазурия могла знать, что Дан Сайон бредил о Лин Эр, которая осталась на Пике Большого Бамбука в горах Айне?

За последние несколько дней Лазурия не отходила от Дан Сайона. Она многое узнала о нем, пока он бредил - например то, что он родился в месте под названием Деревня Травников, что в его деревне случилось страшное несчастье, также она узнала, что его сестра Лин Эр была с Пика Большого Бамбука, но она все еще не была уверена, что это не та девушка с голубым мечом.

И за несколько дней заботы о Дан Сайоне она ощутила странную привязанность к этому молодому парню. Каждый день она смотрела на его лицо без сознания, и это было единственным разнообразием в этой пещере.

Она просто сидела и долго, долго смотрела на него. Она даже ни разу не вспомнила о той комнате, о священном писании Малеуса, Либрусе.

Иногда, когда Дан Сайон засыпал, она медленно подходила к надписям, оставленным Леди Цзин Лин, секунду смотрела на них, затем произносила: «Леди Цзин Лин, ты оставила здесь послание о том, что все мужчины в мире бессердечны. Но сейчас, посмотри, Дан Сайон страдает от любви».

Но ей никто не отвечал в этой пустой пещере. Лишь когда она разворачивалась, золотые колокольчики мягко звенели, и в пещере раздавалось эхо, которое словно было ответом.

Словно здесь обитала чья-то душа, которая смотрела на них нежным взглядом, окружала их своим теплом.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/275616>